

0127-01	АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ	“Да кабы...”	Часть 1 “Спесь”
0127-02	АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ	“Да кабы...”	Часть 2 “Чужое горе”

ДА КАБЫ... (Коренблиг – Толстой)

Часть 1 «СПЕСЬ»

1. Дурачье - 1.47
2. Спесь - 1.11
3. Садко - 13.08
4. Змей Тугарин - 10.23
5. Да кабы... - 1.25
6. Илья Муромец - 3.32
7. Алёша Попович - 7.03
8. Сватовство - 12.07

Общее время звучания - 50.36

Общее время звучания – 96.29

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 «СПЕСЬ»

1. ДУРАЧЬЕ

У приказных ворот собирался народ
Густо;
Говорит в простоте, что в его животе
Пусто!
"Дурачье! – сказал дьяк, - из вас должен быть всяк
В теле;
Еще в Думе вчера мы с трудом осетра
Съели!"

На базар мужик вез через реку обоз
Пакли;
Мужичок-то, вишь, прост, знай везет через мост,
Так ли?
"Вишь, дурак, - сказал дьяк, - тебе мост, чай, пустяк,
Дудки?
Ты б его поберег, ведь плыли ж поперек
Утки!"

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты!
В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо!
Дьяк сказал: "Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать, стало, Ваське и дать
Таску!"

Пришел к дьяку больной: говорит "Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а уж вот поутру

Паче!
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько!"
"Вишь, дурак! – сказал дьяк, - ну не ешь натошак;
Только!"

Пришел к дьяку истец, говорит: "Ты отец
Бедных,
Кабы ты мне помог – видишь денег мешок
Медных, -
Я б те всыпал ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка!"
"Сыпь сейчас, - сказал дьяк, подставляя колпак, -
Ну-тка!"

2. СПЕСЬ

Ходит Спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь,
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем по целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился б Спесь во церкви божией,
Да пол не метён!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибаться!

3. САДКО

Сидит у царя водяного Садко
И с думою смотрит печальной,
Как моря пучина над ним высоко
Синеет сквозь терем хрустальный.

Там ходят как тени над ним корабли,
Товарищи там его ищут,
Там берег остался цветущей земли,
Там птицы порхают и свищут;

А здесь на него любопытно глядит
Белуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бежит
Снятков серебристая стая;

Куда он ни взглянет, все синяя гладь,
Все воду лишь видит да воду,
И песни устал он на гусях играть
Царю водяному в угоду.

А царь, улыбаясь, ему говорит:
"Садко, мое милое чадо,
Поведай, зачем так печален твой вид?
Скажи мне, чего тебе надо?"

Кутья ли с шафраном моя не вкусна?
Блины с инбирем не жирны ли?
Аль в чём неприветна царица-жена?
Аль дочери чем досадили?"

Смотри, как алмазы здесь ярко горят,
Как много здесь яхонтов алых!
Сокровищ ты столько нашел бы навряд
В хваленых софийских подвалах!"

"Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Я много доволен твоею женой,
И мне от царевен не худо;

Вкусны и кутья, и блины с инбирем,
Одно, государь, мне обидно:
Куда ни посмотришь, все мокро кругом,
Сухого местечка не видно!"

Что пользы мне в том, что сокровищ полны
Подводные эти хоромы?
Увидеть бы мне хотя б зелень сосны!
Прилечь хоть на ворох соломы!"

Богатством своим ты меня не держи;
Все роскоши эти и неги
Я б отдал за крик перепелки во ржи,
За скрип новгородской телеги!"

Давно так не видно мне божьего дня,
Мне запаху здесь только тина;
Хоть дегтем повеяло б раз на меня,
Хоть дымом курного овина!"

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на земле расцветает,
И сам уж не знаю, что станет со мной:
За сердце вот так и хватает!"

Теперь у нас пляски в лесу в молодом,
Забыты и стужа, и слякоть –
Когда я подумаю только о том,
От грусти мне хочется плакать!"

Теперь, чай, и птица, и всякая зверь

У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь
Синеет в лесу медуница!

Во свежем, в зеленом, в лесу молодом
Березой душистою пахнет –
И сердце во мне, лишь помыслию о том,
С тоски изнывает и чахнет!"

"Садко, мое чадо, городишь ты вздор!
Земля нестерпима от зною!
Я в этом сошлюся на целый мой двор,
Всегда он согласен со мною!"

Мой терем есть моря великого пуп:
Твой жеребий, стало быть, светел;
А ты непонятлив, несведущ и глуп,
Я это давно уж заметил!

Ты в Думе пригоден моей заседать,
Твою возвеличу я долю
И сан водяного советника дать
Тебе непременно изволю!"

"Ты гой еси, царь-государь водяной!
Премного тебе я обязан,
Но почести я недостоин морской,
Уж очень к земле я привязан;

Бывало, не все там норовилось мне,
Не по сердцу было иное;
С тех пор же, как я очутился на дне,
Мне все стало мило земное;

Припомнился пес мне, и грязен, и хил,
В репьях и в сору извалялся;
На пир я в ту пору на званный спешил,
А он мне под ноги попался;

Брюзгливо взглянув, я его отогнал, -
Ногой оттолкнул его гордо –
Вот этого пса я б теперь целовал
И в темя, и в очи, и в морду!"

"Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псе вспоминаешь сегодня?
Зачем тебе грязного пса целовать?
На то мои дочки пригодней!"

Воистину, чем бы ты им не жених?
Я вижу, хоть в ус и не дую,

Пошла за тебя бы любая из них,
Бери ж себе в жены люблюю!"

"Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Боюся, от брака с такою женой
Не вышло б душе моей худо!

Не спорю, они у тебя хороши
И цвет их очей изумрудный,
Но только колючи они, как ерши,
Нам было б сожителство трудно!

Я тем не порочу твоих дочерей,
Но я бы не то что люблюю,
А всех их сейчас променял бы, ей-ей,
На первую девку рябую!"

"Садко, мое чадо, уж очень ты груб,
Не нравится речь мне такая;
Когда бы твою не ценил я игру б,
Ногой тебе дал бы пинка я!

Но печени как-то сегодня свежо,
Веселье в утробе я чую;
О свадьбе твоей потолкуем ужо,
Теперь же сыграй плясовую!"

Ударил Садко по струнам трепака,
Сам к черту шлет царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся в бока,
Готовится, дрыгая, в пляску;

Сперва лишь на месте поводит усом,
Щетинистой бровью кивает,
Но вот запыхтел и надулся, как сом,
Все боле его разбирает;

Похаживать начал, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдруг как пойдет выводить вензеля,
Так все затряслись половицы.

"Ну, - мыслит Садко, - я тебя заморю!"
С досады быстрее он играет,
Но, как ни частит, водяному царю
Все более сил прибывает:

Пустился навыверт пятами месить,
Закидывать ногу за ногу;
Откуда взялася, подумаешь, прыть?

Глядеть индо страшно, ей-богу!

Бояре в испуге ползут окарачь,
Царица присела аж на пол,
Пищат-ин царевны, а царь себе вскачь
Знай чешет ногами оба пол.

То, выпятя грудь, на придворных он прет,
То, скорчившись, пятится боком,
Ломает коленца и взад, и вперед,
Валяет загребом и скоком;

И все веселей и привольней ему,
Коленца выходят все круче –
Темнее становится все в терему,
Над морем собираются тучи...

Но шибче играет Садко, осерча,
Сжав зубы и брови нахмуря,
Он злится, он дергает струны сплеча –
Вверху подымается буря...

Вот дальними грянул раскатами гром,
Сверкнуло в пучинном просторе,
И огненным светом зардела кругом
Глубокая празелень моря.

Вот крики слышались там высоко:
То гибнут пловцы с кораблями –
Отчаянней бьет пятернями Садко,
Царь бешеной месит ногами;

Вприсядку понес его черт ходуном,
Он фыркает, пышет и дует:
Гремит плясовая, колеблется дом,
И море ревет и бушует...

И вот пузыри от подстенья пошли,
Садко уже видит сквозь стены:
Разбитые ко дну летят корабли,
Крутясь средь ила и пены;

Он видит: моряк не один потонул,
В нем сердце исполнилось жали,
Он сильною хваткой за струны рванул –
И, лопнув, они завизжали.

Споткнувшись, на месте стал царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
"Никак, подшутил ты, Садко, надо мной?
Противна мне шутка такая!

Не в пору, невежа, ты струны порвал,
Как раз когда я расплясался!
Такого колена никто не видал,
Какое я дать собирался!

Зачем здоровее ты струн не припас?
Как буду теперь без музыки?
Аль ты, неумытый, плясать в сухопляс
Велишь мне, царю и владыке?"

И плесом чешуйным в потылицу царь
Хватил его, ярости полный,
И вот завертелся Садко как кубарь,
И вверх понесли его волны...

Сидит в Новеграде Садко невредим,
С ним вящие все уличане;
На скатерти браной шипит перед ним
Вино в венецейском стакане;

Степенный посадник, и тысяцкий тут,
И старых посадников двое,
И с ними кончанские старосты пьют
Здоровье Садку круговое.

"Поведай, Садко, уходил ты куда?
На чудскую Емь аль на Балты?
Где бросил свои расшивные суда?
И без вести где пропал ты?"

Поет и на гусях играет Садко,
Поет про царя водяного:
Как было там жить у него нелегко
И как уж он пляшет здорово;

Поет про доход без утайки про свой,
Какая чему была чередь, -
Качают в сомнении все головой,
Не могут рассказу поверить.

4. ЗМЕЙ ТУГАРИН

Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

И молвит Владимир: "Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!"
И вон незнакомый из дальних рядов

Певец выступает на княжеский зов –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский народ:
"Ой рожа, ой страшная рожа!"

И начал он петь на неведомый лад:
"Владычество смелым награда!
Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит ладьи твои дальний Царьград –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимут твой Киев и пламя и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!"

И вспыхнул Владимир при слове таком,
В очах загорелась досада –
Но вдруг засмеялся – и хохот кругом
В рядах прокатился, как по небу гром, -
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,
Удалый Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

Певец продолжает: "Смешна моя весть
И вашему уху обидна?
Кто мог бы из вас оскорбление снесть?
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: Да будет мне стыдно!

На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле –
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече – каганская воля!"

"Стой – молвит Илья, - твой хоть голос и чист,
Да песня твоя не пригожа!
Был вор Соловей, как и ты, голосист,
Да я пятерней приглушил его свист -
С тобой не случилось бы то же!"

Певец продолжает: "И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подыметя русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!

И в тереме будет сидеть он своим,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожем,
И вы ему стукать да стукать челом -
Ой срама, ой горького срама!"

"Стой! – молвит Попович, - хоть дюжий твой рост,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост –
Тебе не было бы того же!"

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!"

И с честной поссоритесь вы стариной,
И, предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: "Станем к варягам спиной,
Лицом повернемся к обдорам!"

"Стой! – молвит, поднявшись, Добрыня, - не смей
Пророчить такого нам горя!
Тебя я узнал из негодных речей:
Ты старый Тугарин, поганый тот змей,
Приплывший от Черного моря!

На крыльях бумажных, ночью порой
Ты часто вокруг Киева-града
Летал и шипел, но тебя не впервой
Попотчую я каленою стрелой -
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

И начал Добрыня натягивать лук,
И вот, на потеху народу,
Струны богатырской послышавши звук,
Во змея певец перекинулся вдруг
И с шипом бросается в воду.

"Тьфу, гадина! – молвил Владимир и нос

Зажал от несносного смрада, -
Чего уж он в скаредной песне не нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки, пес, -
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
"Чай, песни теперь уже нам не споет –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

Смеется Владимир: "Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь!
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
За честь нашей родины я не боюсь, -
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает, - примолвил свет-солнышко-князь, -
Неволя заставит пройти через грязь –
Купаться в ней свиньи лишь могут!

Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою, -
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

За вольный, за честный славянский народ!
За колокол пью Новаграда!
И если он даже и в прах упадёт,
Пусть звон его в сердце потомков живёт –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская слава подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их
Шумя, принесло от заката!"

И выпил Владимир – и разом кругом,
Как плеск лебединого стада,
Как летом из тучи ударивший гром,

Народ отвечает: "За князя мы пьём!
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдёт, -
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

Пирует Владимир со светлым лицом,
В груди богатырской отрада,
Он верит: победно мы горе пройдем,
И весело слышать ему над Днепром:
"Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют посадники града,
Пирует весь Киев, и молод, и стар,
И слышен далеко звон кованых чар –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

5. ДА КАБЫ...

Ой, кабы Волга-матушка, да вспять побежала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цветы расцветали!
Кабы мы любили да не разлюблили!
Кабы дно морское достать да измерить!
Кабы можно, братцы, красным девкам верить!
Ой, кабы все бабы были б молодницы!
Кабы в полугаре поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Да кабы приказных побоку да к черту!
Да кабы звенели завсегда карманы!
Да кабы нам, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякий день обедал!
Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!

6. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Под бронёй с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь.
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

И ворчит Илья сердито:
"Ну, Владимир, что ж?"

Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою –
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

Без меня других довольно:
Сядут – полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою –
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!"

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым

Воздухом дышать;

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой, и земляникой
Пахнет темный бор.

7. АЛЁША ПОПОВИЧ

Кто веслом так ловко правит
Через аир и купырь?
Это тот Попович славный,
Тот Алёша-богатырь!

За плечами видны гусли,
А в ногах червлёный щит,
Супротив его царевна
Полоненная сидит.

Под себя поджала ножки,
Летник свой подобрала
И считает робко взмахи
Богатырского весла.

"Ты почто меня, Алёша,
В лодку песней заманил?
У меня жених есть дома,
Ты ж, похитчик, мне не мил!"

Но, смеясь, Попович молвит:
"Не похитчик я тебе!
Ты взошла своею волей,
Покорись своей судьбе!"

Ты не первая попалась
В лодку, девица, мою:
Знаменитым птицеловом
Я слыву в моем краю!

Без силков и без приманок
Я не раз меж камышей
Голубых очеретянок
Песней лавливал моей!

Но в плену, кого поймаю,
Без нужды я не морю;
Покорися же, царевна,
Сдайся мне, богатырю!"

Но она к нему: "Алёша,
Тесно в лодке нам вдвоем,
Тяжела ей будет ноша,

Вместе ко дну мы пойдём!"

Он же к ней: "Смотри, царевна,
Видишь там, где тот откос,
Как на солнце быстро блещут
Стаи легкие стрекоз?"

На лозу когда бы сели,
Не погнули бы лозы;
Ты же в лодке не тяжеле
Легкокрылой стрекозы".

И душистый гнет он аир,
И, скользя очеретом,
Стебли длинные купавок
Рвет сверкающим веслом.

Много певников нарядных
В лодку с берега глядит,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говорит:

"Птицелов ты беспощадный,
Иль тебе меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку к берегу причаль!"

Он же, в берег упираясь
И осокою шурша,
Повторяет только: "Сдайся,
Сдайся, девица-душа!"

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить".

Он весло свое бросает,
Гусли звонкие берёт –
Дивным пением дрожащий
Огласился очерет.

Звуки льются, звуки тают...
То не ветер ли во ржи?
Не крылами ль задевают
Медный колокол стрижи?

Иль в тени журчат дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звон заздравный?
Иль мечи бьют о мечи?

Пламя ль блещет? Дождь ли льётся?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несётся?
Мать ли пестует дитя?

Или то воспоминанье,
Отголосок давних лет?
Или счастья обещанье?
Или смерти то привет?

Песню кто уразумеет?
Кто поймет ее слова?
Но от звуков сердце млеет
И кружится голова.

Их услыша, присмирели
Пташек резвые четы,
На тростник стрекозы сели,
Преклонилися цветы:

Погремок, пестрец, и шильник,
И болотная заря
К лодке с берега нагнулись
Слушать песнь богатыря.

Так с царевной по теченью
Он уносится меж трав,
И она внимает пенью,
Руку белую подняв.

Что внезапно в ней свершилось?
Тоскованье ль улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

Словно давние печали
Разошлись как туман,
Словно все преграды пали
Или были лишь обман!

Взором любящим невольню
В лик его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капают из глаз.

Любит он иль лицемерит –
Для нее то все равно,
Этим звукам сердце верит
И дрожит, побеждено.

И со всех сторон их лодку

Обняла речная тишь,
И куда ни обернешься -
Только небо да камыш...

8. СВАТОВСТВО

По вешнему по складу
Мы песню завели,
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

Поведай, песня наша,
На весь на русский край,
Что месяцев всех краше
Веселый месяц май!

В лесах, в полях отрада,
Все вербы расцвели –
Ой ладо, диди-ладо!
Ой, ладо, лель-люли!

Затем так добр и весел
Владимир, старый князь,
На подлокотни кресел
Сидит облокотясь.

И с ним, блестя нарядом,
В красе седых кудрей,
Сидит княгиня рядом
За пряжей за своей;

Кружась, жужжит и пляшет
Её веретено,
Черёмухою пашет
В открытое окно;

И тут же молодые,
Потупившие взгляд,
Две дочери княжие
За пяльцами сидят;

Сидят они так тихо,
И взоры в ткань ушли,
В груди ж поется лихо:
Ой ладо, лель-люли!

И вовсе им не шьётся,
Хоть иглы изломай!
Так сильно сердце бьётся
В веселый месяц май!

Когда ж берет из мочки

Княгиня волокно,
Украдкой обе дочки
Косятся на окно.

Но вот, забыв о пряже,
Княгиня молвит вдруг:
"Смотри, два гостя, княже,
Подъехали сам-друг!

С коней спрыгнули смело
У самого крыльца,
Узнать я не успела
Ни платья, ни лица!"

А князь смеется: "Знаю!
Пусть входят молодцы,
Не дальнего, чай, краю
Залетные птенцы!"

И вот их входит двое,
В лохмотьях и тряпьях,
С пеньковой бородой,
В пеньковых волосах;

Вошедши, на икону
Крестятся в красный кут,
А после по поклону
Хозяевам кладут.

Князь просит их садиться,
Он хитрость их проник,
Заране веселится
Обману их старик.

Но он обычай знает
И речь заводит сам:
"Отколе, - вопрошает, -
Пожаловали к нам?"

"Мы, княже-господине,
Мы с моря рыбаки,
Сейчас завязли в тине
Среди Днепра-реки!

Двух рыбок златоперых
Хотели мы поймать,
Да спрятались в кокорах,
Пришлось подождать!"

Но князь на это: "Братья,
Неправда, ей-же-ей!

Не мокры ваши платья,
И с вами нет сетей!

Днепра ж светлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано в нем тины
От веку никогда!"

На это гости: "Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажем глаже:
Мы брынские стрелки!

Стреляем зверь да птицы
По дебрям по лесным,
А ноне две куницы
Пушистые следим;

Трущобой шли да дромом,
Досель удачи нет,
Но нас к твоим хоромам
Двойной приводит след!"

А князь на это: "Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не в пыли!

Куниц же бьют зимою,
А ноне месяц май,
За зверью, за иною
Пришли ко мне вы, чай!"

"Ну, княже, - молвят гости, -
Тебя не обмануть!
Так скажем уж попрости,
Кто мы такие суть:

Мы бедные калики,
Мы старцы-гусяры,
Но петь не горемыки,
Где только есть пиры!

Мы сквозь от Новаграда
Сюда с припевом шли:
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

И если бы две свадьбы
Затеял ты сыграть,
Мы стали распевать бы

Да струны разбирать!"

"Вот это, - князь ответил, -
Другой выходит стих,
Но гуслей не заметил
При вас я никаких;

А что с припевом шли вы
Сквозь целый русский край,
Оно теперь не диво,
В веселый месяц май!

Теперь в ветвях березы
Поют и соловьи,
В лугах поют стрекозы,
В полях поют ручьи,

И много, в небе рея,
Поет пернатых стай –
Всех месяцев звончее
Веселый месяц май!

Но строй гуслирный, други,
Навряд ли вам знаком:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечом!

В мешке не спрятать шила,
Вас выдал речи звук:
Пленкович ты Чурило,
А ты Степаныч Дюк!"

Тут с них лохмотья спали
И, светлы как заря,
Два славные предстали
Пред ним богатыря;

Их бороды упали,
Смеются их уста,
Подобная едва ли
Встречалась красота.

Их кровь от сил избытка
Играет горячо,
Корсунская накидка
Надета на плечо;

Коты из аксамита
С камением цветным,
А бёрца вкрест обвиты
Обором золотным;

Орлиным мечут оком
Не взоры, но лучи;
На поясе широком
Крыжатые мечи.

С притворным со смущеньем
Глядят на них княжны,
Как будто превращеньем
И впрямь удивлены;

И взоры тотчас тихо
Склонили до земли,
А сердце скачет лихо:
Ой ладо, лель-люли!

Княгиня ж молвит: "Знала
Я это наперед,
Недаром куковала
Кукушка у ворот,

И снилось мне с полночи,
Что, голову подняв
И в лес уставя очи,
Наш лает волкодав!"

Но, вид приняв суровый,
Пришельцам молвит князь:
"Ответствуйте: почто вы
Вернулись, не спросясь?"

Указан был отселе
Вам путь на девять лет –
Каким же делом смели
Забыть вы мой запрет?"

"Не будь, о княже, гневен!
Твой двор чтоб видеть вновь,
Армянских двух царевен
Отвергли мы любовь!

Зане твоих издавна
Мы любим дочерей!
Отдай же их, державный,
За нас, богатырей!"

Но, вид храня суровый,
А сам в душе смеясь:
"Мне эта весть не нова, –
Ответил старый князь. –

От русской я державы

Велел вам быть вдали,
А вы ко мне лукаво
На промысел пришли!

Но рыб чтоб вы не смели
Ловить в моем Днепру,
Все глуби я и мели
Оцепами запру!

Чтоб впредь вы не дерзали
Следить моих куниц,
Ограду я из стали
Поставлю круг границ;

Ни неводом вам боле,
Ни сетью не ловить –
Но будет в вашей воле
Добром их приманить!

Коль быть хотят за вами,
Никто им не мешай!
Пушай решают сами
В веселый месяц май!"

Услыша слово это,
С Чурилой славный Дюк
От дочек ждут ответа,
Сердец их слышен стук.

Что дочки им сказали –
Кто может, отгадай!
Мы слов их не слышали
В веселый месяц май!

Мы слов их не слышали,
Нам свист мешал дроздов,
Нам иволги мешали
И рокот соловьев!

И звонко так в болоте
Кричали журавли,
Что мы, при всей охоте,
Расслышать не могли!

Такая нам досада,
Расслышать не могли!
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!